

Запасы мучных фруктов в доме были столь велики, что Цзянь Мо всё же решился на эксперимент с вином. В конце концов, даже если затея провалится, он потеряет лишь малую часть урожая — невелика беда.

Выбрав из реки корзину уже вымоченных мучных фруктов, он притащил их домой. У Цзюнь тут же вызвался помочь.

— Делаем всё так же, как для пирожных из мучного фрукта? — спросил он.

— Нет-нет, — Цзянь Мо покачал головой. — Нам нужно только измельчить их, дальше процесс пойдёт иначе. Я планирую в этот раз обойтись без известковой воды. Просто разотрём мякоть в кашу, хорошенько пропарим, а когда всё будет готово, смешаем с осадком от того плодового вина.

— Хочешь получить вино со вкусом мучного фрукта? — уточнил У Цзюнь. — Боюсь, оно выйдет не слишком вкусным.

Цзянь Мо, однако, был настроен оптимистично:

— Вовсе нет. Я планирую позже заняться перегонкой. Если получится дистиллят, вкус исходного сырья почти исчезнет, останется обычный вкус крепкого алкоголя.

Видя, что юноша понимает, что делает, У Цзюнь не стал спорить. Вместе они истолкли плоды и отправили массу в котёл на пар. Готовое пюре пахло специфически, но на ощупь было очень нежным и мягким, напоминая хорошо разваренные бобы; стоило слегка надавить, как оно превращалось в кашу. Крахмала в нем явно было в избытке.

Дождавшись, пока масса немного остынет, Цзянь Мо переложил её в большой керамический горшок, предварительно ошпаренный кипятком и высушенный. Следом он добавил винный осадок, оставшийся на дне кувшина с плодово-вином, и энергично всё перемешал.

В идеале стоило бы использовать дрожжи, но за неимением лучшего приходилось уповать на то, что осталось в кувшине. Натуральные дрожжи там наверняка были, пусть и не такие активные. Без хорошей закваски брожение могло затянуться, так что, возможно, придётся подождать подольше.

Закончив с перемешиванием, Цзянь Мо накрыл горлышко заранее подготовленными сухими листьями, плотно обвязал веревкой и водрузил горшок поближе к очагу. Снаружи заметно похолодало, так что тепло от огня должно было поддержать подходящую для брожения температуру.

У Цзюн с любопытством наблюдал за его действиями.

— И этого достаточно?

— Думаю, должно хватить, — осторожно ответил Цзянь Мо. — Будем проверять каждые пару дней. Если дело не пойдет, тогда и станем думать.

Впрочем, юноша верил в успех. Он дважды заглядывал в горшок, и под действием дрожжей процесс уже шел вовсю. Сквозь запах мучного фрукта начал пробиваться характерный винный аромат. Цвет массы оставался нормальным — ни красных, ни синих, ни зеленых пятен, а значит, никакая посторонняя зараза в чан не попала.

Беспокоило другое: под горшком постоянно скапливалась влага. В первый раз Цзянь Мо подумал, что случайно пролил воду во время готовки, и просто вытер её сухими листьями. Во второй раз он тоже не придал этому значения. Но когда на третий день ситуация повторилась, он заподозрил неладное. Юноша поднял сосуд и внимательно осмотрел его со всех сторон — ни трещин, ни сколов, всё выглядело целым.

Заметив его озадаченность, У Цзюн спросил:

— Что случилось?

— Иди-ка сюда, — позвал его Цзянь Мо. — Потрогай. Мне кажется, из горшка просачивается вода? По-моему, что-то не так.

У Цзюн подошел, проверил и спокойно отозвался:

— Всё в порядке, просачивается совсем немного.

Цзянь Мо недоуменно захлопал глазами.

— Они всегда немного пропускают, — пояснил вождь. — Сосуд неплохой, к концу в нем останется больше половины содержимого.

— И ты называешь это «неплохим»?!

У Цзюн снова коснулся стенки, искренне не понимая причины его возмущения. Цзянь Мо лишь подумал, что вождь, должно быть, просто не интересуется кухонными делами, а потому не имеет об этом представления.

Позже он завел разговор об этом с Цин Ко и остальными. Реакция соплеменников была такой

же обыденной. Чжоу Фу даже попытался его утешить:

— Твой горшок еще очень даже ничего. Вот мой — беда: вечно трескается во время использования, и всё содержимое вытекает.

— Но как он может просто так треснуть? — поразился Цзянь Мо.

Цин Ко лишь усмехнулся:

— Ну, а что в этом мире не портится?

Чжоу Фу предложил выход:

— Если тебе так не нравится эта сырость, принеси домой немного земли. Насыпь слой под горшок, и луж под ним не будет.

— То есть... главное — с глаз долой? — уточнил Цзянь Мо.

Соплеменники дружно расхохотались, а Чжоу Фу серьезно кивнул:

— Именно!

Однако вечно мокрый пол у очага раздражал юношу, к тому же это было негигиенично. В конце концов Цзянь Мо решил последовать совету, но попутно разобраться, почему местная керамика ведет себя как губка. Скорее всего, дело было в отсутствии глазури. Для хранения сухих продуктов такие сосуды подходили, но стоило налить в них жидкость — и всё становилось очевидно. Еще один жизненный опыт: в своем родном мире он и представить не мог, что глиняный горшок может протекать.

Земля за домом оказалась на редкость качественной: плотной и тяжелой. Цзянь Мо наполнил корзину и притащил её к У Цзюну.

— Посмотри, это ведь та самая глина, из которой делают горшки?

У Цзюн внимательно изучил комок и кивнул.

— А когда в племени собираются заниматься гончарным делом? — загорелся идеей юноша. — Я бы хотел попробовать сделать что-то свое. Может, удастся добиться того, чтобы горшки не текли.

В этом мире нельзя было просто пойти и купить вещи — всё делалось вручную. Племя

организованно изготавливало инструменты, деревянную утварь и керамику.

— Скоро будем делать партию, — ответил У Цзюн. — Поговори об этом с Цин Ко.

Если У Цзюн был главой всего племени, то Цин Ко руководил делами полувзверолюдов: от сборов до ремесел. Его уважали за справедливость.

На вопрос Цзянь Мо о гончарном деле Цин Ко ответил:

— Похолодало, в лесу собирать уже нечего. Думаю, на днях и начнем.

— Отлично! — глаза юноши радостно блеснули. — Я хочу участвовать.

— Хорошо, — улыбнулся Цин Ко. — Будем делать и общую посуду для племени, и личную. Свою можешь лепить какой хочешь, обжигать будем всё вместе.

— Тогда я попробую нанести глазурь!

Цзянь Мо уже не раз привносил в жизнь племени технологии, поэтому Цин Ко с интересом спросил:

— Что это за «глазурь»?

— Это... когда на подсохшую заготовку наносят слой очень жидкой глины, а потом снова сушат.

Юноша и сам не был до конца уверен в деталях — в своем мире он никогда не занимался керамикой, а знания почерпнул из книг и видео. Но попробовать стоило.

Когда настал день работы, Цзянь Мо обнаружил, что глину соплеменники брали не за домом, а у реки. Тот ил был еще более нежным, светлым и пластичным — настоящая глина.

Принесенную глину первым делом просеивали. У племени были сетки, сплетенные из коры, с ячейками не больше спичечной головки. Очищенная таким образом пыль напоминала по текстуре шоколадный порошок.

Затем под руководством опытных мастеров в глину начали добавлять воду и замешивать её. Но до лепки было еще далеко. Всю массу перетащили к дому Хун Цю, где стояли огромные каменные ступы. Глиняное «тесто» раз за разом подвергалось ударам пестов, пока не превратилось в идеально гладкие, плотные комья.

Труд был каторжный. Цзянь Мо, лишь помогавший на подхвате, быстро выбился из сил. Ледяной ветер продувал насквозь, руки коченели. Из-за трения кожа на пальцах стерлась, ногти обломались, и каждое прикосновение отзывалось болью. Полузверолюды держались лучше, но и им было нелегко. От усталости Цзянь Мо даже не хотелось разговаривать.

Заметив это, Цин Ко ободряюще коснулся его плеча:

— Если устал — отдохни. Здесь спешка ни к чему.

— Нет, я еще продержусь, — Цзянь Мо упрямо потрянул головой.

К середине дня подготовка была закончена. Тяжелые комья перенесли на площадь, в защищенное от ветра место, где под солнцем началась основная работа. Собралось почти всё племя: и зверолоуды, и полузверолюды, и даже дети, умеющие принимать человеческий облик.

Каждый устроился со своим плоским керамическим блюдом-подставкой. Цзянь Мо, не имея опыта, старался во всем подражать Цин Ко. Тот время от времени поправлял его заготовки, следя, чтобы стенки были равной толщины, иначе при обжиге они лопнут. Юноше казалось, что лепка — это весело, но на деле это оказался изматывающий труд. Единственной радостью была возможность процарапать на сырых боках узоры.

Готовые изделия оставили сохнуть в тени. Холодный ветер быстро вытягивал влагу, так что долго ждать не пришлось. Тем временем Цзянь Мо занялся приготовлением той самой «глазури». Он смутно помнил, что для этого нужны минералы.

«Будь я химиком, я бы, возможно, привел этот мир к индустриальной эре, — подумал он. — Но я лишь выпускник университета, и хорошо уже то, что не умер с голоду».

В окрестностях Приречного племени нужных минералов не нашлось, поэтому Цзянь Мо вместе с У Цзюном отправился на крылатом звере в племя Мэншуй. Там они выменяли охристую красную землю, которой местные красили стены. В ней явно было много железа — то, что нужно.

Вернувшись, он несколько раз мелко перетер краску, просеял её и развел водой до состояния сливок. На пять своих подсохших заготовок он нанес этот состав и снова отправил их сохнуть. Соплеменники с любопытством наблюдали, а Чжоу Фу и еще пара человек даже попросили «покрасить» и их сосуды.

Наконец настал день обжига. Поскольку печи у них не было, на ровной площадке соорудили помост из сырой глины, на который навалили дрова. Сверху расставили посуду. Затем вокруг возвели каркас из веток, который обмазали толстым слоем мокрой глины. Получилось огромное полусферическое сооружение с отверстием в куполе и тремя продухами у основания. Цзянь Мо догадался, что это нужно для тяги. Самодельный горн выглядел на удивление научно.

Обжиг был делом тяжелым. Цзянь Мо вместе с остальными дежурил у печи. Если пламя внутри казалось слабым, приходилось нагнетать воздух через продухи. Нужно было постоянно подбрасывать сухие дрова, стараясь не разбить хрупкую керамику и распределяя жар равномерно. В такой холод Цзянь Мо обливался потом у пышущего жаром жерла.

Домой он вернулся только к ночи, когда огонь начал постепенно угасать. У Цзюнь сразу отправил его отдыхать:

— Я сам приготовлю ужин.

Юноша залпом осушил кувшин воды и бессильно откинулся на спинку стула.

— Давай... я сегодня совсем без сил.

— Как думаешь, получится? — спросил вождь.

— Цин Ко говорит, что вполне успешно, но точно узнаем завтра, когда вскроем печь.

Утром Цзянь Мо вскочил с постели первым и сразу побежал за Цин Ко. Тот, зевая, ворчал:

— Горшки не убегут, к чему такая спешка?

— Мне нужно увидеть результат своих трудов!

— Ну, тогда зови Е Ло и остальных, будем открывать печь.

Долго упрашивать никого не пришлось. Соплеменники принялись разбирать глиняный панцирь. Когда горн открыли, Цзянь Мо замер.

Внутри громоздилась гора осколков. Уцелевшие сосуды были бледного, почти белого цвета, совсем не похожие на привычную желто-коричневую керамику. Юноша почувствовал разочарование.

— Как же так?

— Что не так? — не понял Цин Ко.

— Посмотри на этот цвет! — Цзянь Мо поднял один из сосудов. — Мы же пользуемся совсем другими.

— Они всегда такие после обжига, — пожал плечами Цин Ко. — Почернеют со временем, когда начнешь в них готовить.

Юноша отставил сосуд и принялся искать свои изделия с глазурью. Из двенадцати штук (его пяти и семи соседских) целыми оказались лишь две. На одной была длинная трещина, а вторая хоть и уцелела, но выглядела пятнистой — глазурь не легла ровно, так и не превратившись в блестящую корку.

Усталость последних дней навалилась на него. Цзянь Мо опустил прямо на землю:

— Всё не так, как я думал. Слишком мало уцелело.

— Нормально вышло, — отозвался Цин Ко.

— Да что же тут нормального?! Столько разбилось!

Цин Ко вдруг негромко рассмеялся:

— Если бы они не бились так часто, разве стали бы мы обжигать их каждый сезон?

Цзянь Мо замолчал. Остальные тем временем деловито разбирали посуду. Уцелевшие горшки откладывали в сторону, но даже осколкам находили применение. Один из полужероловодов подобрал щербатый кувшин, немного обточил края и, объявив его вазой, поставил внутрь пучок травы. Зеленые стебли преобразили грубую керамику.

Даже в этом суровом мире люди сохраняли стремление к красоте. Цзянь Мо смотрел на это с восхищением.

В итоге юноше досталось четыре предмета: чайник, горшок, блюдо и чаша. Тот самый «пятнистый» сосуд оказался единственным уцелевшим из экспериментальной партии. Для племени такой результат считался неплохим.

Чжоу Фу, вертя в руках свой неровно окрашенный горшок, сиял от счастья:

— смотри, как красиво! Будто цветы на стенках. В следующий раз обязательно сделаю так же.

— А в следующий раз можно попробовать и узоры рисовать, — добавил Цин Ко.

— Жар в печи слишком слабый, — упадническим тоном проговорил Цзянь Мо. — Без нужной температуры глазурь бесполезна.

— Слабый? А как сделать его сильнее?

— Нужно использовать древесный уголь и, может, кузнечные мехи для поддува...

Это были обрывки школьных знаний, которые уже начали забываться. Но Цин Ко серьезно кивнул:

— Что ж, попробуем в следующий раз.

Разобрав посуду, соплеменники поспешили по домам — нужно было использовать последнее время для сборов. По их расчетам, зима должна была наступить не позже чем через десять дней. Цзянь Мо не знал, как они определили срок, но осень и впрямь затянулась. Судя по его отметкам, он был здесь уже девяносто три дня, и всё еще стояла осень. Очевидно, этот сезон длится никак не меньше ста двадцати дней.

В тот день они, как обычно, вышли на сбор. К полудню небо затянуло тучами, и поднялся резкий ветер. Он ощущался иначе, чем прежде.

Цзянь Мо поднял голову. Цин Ко, стоявший рядом, прищурился, глядя вдаль.

— Зима идет.

— Прямо сейчас?

Цин Ко кивнул:

— К ночи пойдет снег. Собирайтесь, сегодня возвращаемся пораньше, нужно успеть подготовиться...

Племя вернулось в поселение. Все спешно прятали припасы и укрепляли жилища. Цзянь Мо тоже не остался в стороне: он застелил лежбище крылатого зверя толстым слоем сухой травы, а окна в загоне того-зверей закрыл корой, чтобы не дуло. Самка того-зверя выглядела совсем тяжелой, её живот был твердым — роды были не за горами.

Вечером У Цзюн принес Цзянь Мо новые теплые шкуры и меховую одежду. Но даже зарывшись в постель, юноша продолжал дрожать от холода. Ветер завывал в щелях между камнями, гуляя по комнате. Оказалось, что каменный дом вовсе не такой теплый, и ноги никак не могли согреться.

Цзянь Мо ворочался с боку на бок. Из темноты раздался голос У Цзюна:

— Не спится? Холодно?

— Да нет, — соврал юноша. — Просто нужно привыкнуть к смене сезона.

— Хочешь, я приму облик зверя? На мне будет теплее спать.

— Нет-нет, пока не стоит, — поспешно отказался Цзянь Мо.

— Как знаешь. Если понадобится — скажи.

В комнате снова воцарилась тишина. Чтобы отвлечься, Цзянь Мо спросил:

— Твой звериный облик такой огромный... ты и зимой спишь здесь, на втором этаже?

— Да. Дом крепкий, я так зимовал много раз.

— Потому что в облике зверя теплее?

— Вроде того.

За разговором Цзянь Мо незаметно уснул. Утром его разбудил У Цзюн. Юноша непонимающе уставился на него, пока не услышал главное:

— ...Тото-зверь рожает.

Сон мгновенно испарился. Цзянь Мо рывком сел в постели:

— Сейчас?!

— Воды отошли уже какое-то время назад.

Юноша отбросил шкуры и бросился к выходу:

— Я посмотрю!